

3. Hobsbawm, E. How to change the world. Marx and Marxism 1840-2011 / E. Hobsbawm. – London: Little, Brown, 2011; McQuail, D. Mass Communication Theory / D. McQuail. – London: Sage.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.И. Снесарь, г. Санкт-Петербург, Россия

В нынешний век «пост-культуры» (Бычков В.В.) происходят трудно прогнозируемые трансформации. Отношение к традиционным культурам быстро меняется. Проект «нового мирового порядка» с единым центром в США, двадцать лет монополизировавшего массовое сознание, уже политически не актуален. По итогам состоявшегося недавно петербургского саммита G-20, «мир переходит к более прозрачной, многоформатной дипломатии»[1]. Мир становится многополярным, главными акторами выступают геоцивилизации. Тем не менее, идеи «мирового арбитра» и исключительности западного типа развития цивилизации все еще демонстрирует свою живучесть. В очередной раз, как и прежде в истории, препятствием на путях их успешной реализации выступает Россия. Поэтому, вопрос о русском культурно-историческом коде должен стать предметом глубокого философского анализа и неотложной повесткой сегодняшнего дня.

Двадцать первый век уже успел заявить о крупномасштабном пересмотре базисных ценностей «техногенной цивилизации». Философия все отчетливей и обоснованно говорит о формирующемся новом типе рациональности. Жесткая диспозиция системам ценностей традиционных культур, доминировавшая в технократических концепциях Нового времени, утрачивает любую легитимность и принципиальность. Прежде всего, это связано с тем, что глобализационные процессы парадоксальным образом повышают ценность национальных культур. Повышается значимость и особенность специфики развития каждой из составных частей этого процесса. Актуально стало говорить о «диалоге культур», в котором начальным условием является система ценностей и условия равноправия всех «систем отсчета» [2, с. 11-12]. Открытость различным культурным традициям, – условия для полноценного диалога.

Мировоззренческий базис западноевропейской цивилизации мутирует ускоренными темпами. Непререкаемый недавно вопрос общечеловеческих ценностей, уничижающих национальную идентичность, как пишет сегодня российский философ Н.В. Мотрошилова, в наше время уже не представляется однозначным. Западноевропейская культура исторически так не выработала единого, отвечающего ее мировоззрению набора ценностей. Устойчивые в

прошлом категории, такие как универсальные ценности разума, просвещения и общественного договора сегодня подвержены основательному пересмотру. Визуальное, как особый способ социальной и культурной коммуникации, трансформирует существующие представления об объективных и субъективных структурах процесса коммуникации, визуальных технологиях, позволяющих устанавливать межсубъектные и субъект-объектные связи, поворачивает европейское мировоззрение в сторону зрительно-образного мышления, традиционно преобладавшего в восточной и русской типах культур. Вошедший в употребление в конце XX века термин «иконический поворот» в российской философии используется в роли «геополитической метафоры» и рассматривается в контексте самобытности.

В условиях современного общества наблюдается всеобщее обновление аксиологических принципов европейской культуры, трансформация механизмов универсализации ценностей, критика разума и просвещения [3, с. 35]. Более того, культурно-исторический код западной цивилизации, основанный на материалистическом прагматизме и индивидуализме, в мировом процессе сменяется восточной матрицей, основанной на идеализме и коллективизме. В этом контексте уместно подчеркнуть, что нестяжательство и соборность, как типологические характеристики особенностей русской цивилизации, обретают вселенское значение. Развивая тему русской самобытности, известный военно-политический эксперт, президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник запаса Леонид Ивашов отмечает, что все очевидней и исторически востребованной в мировой политике становится мессианская сущность русской цивилизации. «Мы счастливы, когда творится справедливость во всем мире, когда люди чтут святыи вещи. Святость – главное. В этом – счастье каждого человека, а через это счастье счастлива и вся страна»[4]. В качестве матрицы нашей цивилизации он рассматривает совесть, святость и справедливость, и трудно с этим не согласится.

С позиции сегодняшнего дня задачей нашей науки должен стать обстоятельный философский анализ культурно-исторического кода русской цивилизации, начатого славянофилами и подтвердившего свою государственную важность в условиях современного общества.

Литература:

1. Косов, Ю.В. На таких саммитах существует скрытый план работы / Ю.В. Косов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/09/na_takih_sammitah_suwestvuet_skrytyj_plan_raboty/
2. Степин, В.С. Типы цивилизационного развития / В.С. Степин // Россия в глобализирующемся мире. – М., 2007.

3. Мотрошилова, Н.В. Глобализация и критика обновления ценностей разума / Н.В. Мотрошилова // Россия в глобализирующемся мире. – М., 2007.

4. Ивашов, Л.Г. Россия вчера, сегодня, завтра / Л.Г. Ивашов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.km.ru/spetsproekty/2013/09/12/vnutrennyaya-politika-v-rossii/720477sformulirovat-natsionalnuyu-ideyu>

ПРЕЕМСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ВЫРАЗИТЕЛЬНО-
СМЫСЛОВЫХ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ ИСКУССТВА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ
(«ГИПЕРРЕАЛИЗМ БЕЗ БЕРЕГОВ»)

Н.И. СТЕПАНЦОВА, г. Минск, Беларусь

Современное искусство свидетельствует о преемственной динамике художественных «возвращений» в гиперреализме поп-арта [1]. В этом феномене зазвучало «эхо повторяемости» изобразительной фигуративности, сменившей абстрактность. Различны толкования истории его возникновения. По одним источникам термин принадлежит характеристикам С.Дали. По другим - слово придумал И.Брахот (Isy Brachot) в 1973 году как эквивалент фотореализму, актуализировавшемуся в семидесятые годы (выставка «22 реалиста» в Музее Уитни /1970/), и фактически смыкавшемуся с гиперреализмом. Корни аналитики гиперреализма исследователи находят и в философии Ж.Бодрийера, предлагающего понятие *симулякры*, выражающее убедительную иллюзию бытия. Термин гиперреализм стал названием каталога и выставки в Брюсселе (1973), где были представлены работы американских фотореалистов и известных европейских художников. Один из ярких представителей новаторского вейния Г.Рихтер задался вопросом: «Как остаться живописцем, не делая живопись в традиционном смысле?», и ответил в духе преемственности-изменчивости - реконструировать живопись с помощью фотографии [2, с. 28]. Гиперреалистические объекты детализированы подобно фотоизображениям в целях воссоздания образности абсолютной реальности особыми технологическими средствами, опосредованными от существования художественных источников в действительности и отражательно-выразительной подражательности традиционной живописи. Так, Г.Рихтер, обращаясь ко многим стилям, новаторски сочетает живопись и фотографию: фото проектируется на холст, на основе которого осуществляется живописное изображение, порой усиливающееся приемами размыва, нечеткости составных форм, абстрактности, разрыва холста. М.Морли, например, использует в создании картин копирование фотографии на холст с помощью масштабной сетки, квадрат за квадратом - с сильным увеличением (разделенные на квадраты плоскости размещаются потом даже вверх ногами, «чтобы отстраниться от предмета изображения») [2, с. 27]. В своем опусе «Художник в мастерской» (1968) Морли точно воспроизвел (по фотографии) картину Я.Вермеера «Искусство живописи». Критики полагали, что данная